

Нищий, вор

Посвящается Джиму и Глории

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ БИЛЛИ ЭББОТА

1968

По словам Моники, я пустое место. Правда, говорит она это не на полном серьезе. Что же касается меня, то я не считаю Монику пустым местом. Но раз уж я в нее влюблен, то быть объективным трудно. Подробнее об этом дальше.

Однажды она поинтересовалась, что я пишу в этой записной книжке. Я ответил, что поскольку, как неустанно твердит наш полковник, мы здесь, в НАТО, на огневом рубеже цивилизации, то грядущим поколениям будет любопытно узнать, что означало быть на огневом рубеже цивилизации в Брюсселе во второй половине двадцатого века. Вдруг какой-нибудь покрытый атомной пылью ученый, роясь в руинах города, наткнется на обугленную по краям, покрытую пятнами засохшей крови (моей собственной) записную книжку и будет благодарен У. Эбботу-младшему за его старания поведать потомкам о жизни простого американского солдата, защищавшего цивилизацию в этой части Европы, рассказать о цене на устрицы в ту пору, о форме и объеме бюста его возлюбленной, о доступных ему развлечениях вроде постельных утех и кражи армейского бензина и так далее.

«И часто ты занимаешься такой ерундой?» — спросила Моника.

«А чем мне еще заниматься?» — возразил я.

«Разве у тебя нет никаких убеждений?» — полюбопытствовала она.

«Почему же? — сказал я. — Я убежден, например, что плыть надо только по течению. А поэтому, если идет по улице процессия, я поскорее становлюсь в строй и, шагая с другими в ногу, приветствую толпу независимо от того, друзья это или враги».

«В таком случае продолжай свое сочинительство, — сказала Моника. — Только не забудь написать, что ты не истинный представитель своего поколения».

Слово «сочинительство», пожалуй, как нельзя лучше подходит для определения того, чем я занимаюсь. Я вышел из литературной среды. Мои отец и мать, так сказать, труженики пера или, скорей, были тружениками пера. Отец работал на рекламу, то есть творил в той области, которая не пользуется большим уважением ни у писателей, ни у издателей. Тем не менее каковы бы ни были числившиеся за ним свершения или неудачи, он пришел к ним, сидя за пишущей машинкой. Сейчас он живет в Чикаго и часто, особенно когда пьян, пишет мне. Я незамедлительно отвечаю. Мы большие друзья, поскольку нас разделяют четыре тысячи миль.

Моя мать — общаемся мы предельно мало — раньше сочиняла критические статьи для каких-то безвестных журнальчиков. Сейчас она подвизается в кино. Я вырос под стук пишущих машинок, поэтому мне проще простого фиксировать свои нынешние мысли на бумаге. Развлечений здесь мало, хотя Брюссель лучше, чем Вьетнам, как говорит наш полковник.

Я играю с полковником в теннис и хвалю его за отличную подачу, хотя в этом он отнюдь не силен. Зато таким манером тоже можно делать карьеру.

Если русские не нанесут по НАТО упреждающего удара, как грозит наш полковник, я сумею продолжить свое «сочинительство». Будет чем заняться, когда затихает жизнь у нас в гараже, которым я заправляю.

Интересно, чем занят сейчас, когда я это пишу, начальник гаража при штабе войск Варшавского пакта, а?

Журналист Александр Хаббел работал в парижском отделении журнала «Тайм». Правда, на этой неделе он мог бы и не вспоминать про работу, потому что взял отпуск и вместе с женой приехал в Антиб. После обеда жена при-

легла отдохнуть в номере гостиницы, а он пошел в полицию. Уже три дня ему не давала покоя фамилия, увиденная в «Нис-матэн», — Джордах. В антибском порту на шестой день после вступления в брак был убит американец по фамилии Джордах. Убийца или убийцы разыскиваются. Пока неясны и мотивы преступления. Джордах, владелец стоявшей у причала в антибском порту яхты под названием «Клотильда», погиб на палубе собственного судна от удара по голове чем-то тяжелым.

Хаббел гордился профессиональной памятью, и его раздражало, что он никак не может вспомнить, почему фамилия убитого кажется ему знакомой. Наконец — слава Богу! — вспомнил. Когда он работал еще в Нью-Йорке, в одном из номеров «Лайфа» были помещены фотографии десяти восходящих звезд на политическом небосклоне Америки, в том числе некоего Джордаха — Хаббел забыл, как его зовут, — мэра города Уитби, в ста милях от Нью-Йорка. Потом припомнилось еще кое-что. Уже после выхода в свет этого номера «Лайфа» в Уитби разразился скандал: во время студенческих беспорядков, когда демонстранты пришли к дому мэра, его жена появилась в дверях пьяная и совершенно голая. Ее удалось сфотографировать, и снимок долго ходил по редакции из рук в руки.

Ясное дело, человек, жена которого не постеснялась выйти голой к толпе улюлюкающих студентов, вполне мог от нее избавиться и жениться на другой, более скромных нравов.

«Да и убитый, возможно, просто однофамилец того Джордаха, — решил Хаббел, остановившись у светофора. — Что общего между яхтой в антибском порту и городом Уитби в штате Нью-Йорк? Однако поинтересоваться стоит. Если это тот самый подававший надежды политический деятель, можно сочинить недурную историю». Хаббел уже пять дней был в отпуске и начал скучать.

В пустой приемной с обшарпанными стенами клевавший носом полицейский сразу оживился, когда Хаббел на отличном французском языке объяснил ему, что он журналист и хотел бы разузнать кое-какие подробности насчет

убийства. Полицейский вышел в соседнюю комнату и, вернувшись через минуту, сказал, что шеф готов его принять. По-видимому, в тот день полиция Антиба не была перегружена работой.

Шеф оказался смуглым, сонным, невысокого роста человеком в голубой трикотажной рубашке и помятых хлопчатобумажных брюках. Передний зуб у него сверкал золотом.

— Чем могу служить, мсье? — спросил он.

Хаббел объяснил, что американскую общественность, несомненно, заинтересуют подробности смерти во Франции их соотечественника, особенно если убитый тот самый Джордах, которого он имеет в виду, личность довольно приметная у себя в стране. Он, Хаббел, и его редакция будут весьма признательны шефу, если тот поможет прояснить обстоятельства дела.

Шеф привык иметь дело с французскими журналистами, которые не сомневались, что это убийство — обычное сведение счетов между обитателями порта. Появление же пронырливого с виду сотрудника влиятельного журнала, расследующего гибель своего соотечественника на средиземноморском курорте, куда американцы любят приезжать отдыхать, — это нечто иное. Конечно, шефу было бы много приятнее, если бы преступника уже арестовали и посадили за решетку, но на данный момент ничего подобного не произошло.

— Имеются ли какие-либо сведения, — спросил Хаббел, — о личности убийцы или мотивах преступления?

— Мы тщательно разрабатываем все версии, — ответил шеф. — Трудимся круглые сутки.

— Есть ли какие-нибудь улики?

Шеф задумался. В кино репортеры всегда отыскивают улики, мимо которых проходит полиция. Кажется, этот американец — человек сообразительный. Может, он и в самом деле сумеет чем-нибудь помочь.

— Невестка мсье Джордаха рассказала мне, — заговорил шеф, — что ночью после своего бракосочетания мсье Джордах был вовлечен в ссору — случилось это в баре «Розовая дверь» в Канне, — в очень бурную ссору с человеком, который известен полиции. Это иностранец, югослав по

фамилии Данович. Мы его допросили. У него полное алиби, но нам хотелось бы поговорить с ним еще раз. К сожалению, он куда-то исчез. В данный момент мы заняты его поисками.

— В бурную ссору, — повторил Хаббел. — То есть в драку?

— Исключительно жестокую, — подтвердил шеф. — По словам его невестки.

— Причина драки известна?

— Невестка говорит, что югослав пытался ее изнасиловать, но ему помешал мсье Джордах.

— Понятно, — протянул Хаббел. — Джордах имел привычку драться в барах?

— Никогда об этом не слышал, — ответил шеф. — Я был лично знаком с мсье Джордахом. Мы с ним иногда выпивали рюмку-другую. По-моему, он был человек уравновешенный. К нему здесь хорошо относились. Врагов у него, насколько нам известно, не было. Однако поверить в то, что в Штатах он был человеком влиятельным, как вы только что сказали, довольно трудно.

— «Нис-матэн» утверждает, что он был владельцем яхты, — возразил Хаббел. — Это одно уже свидетельствует о том, что человек он был влиятельный, — усмехнулся он.

— Это была рабочая яхта, — пояснил шеф. — Ее фраговали для круизов. Мсье Джордах этим и зарабатывал.

— Понятно, — повторил Хаббел. Да, трудно представить себе, чтобы один из десяти наиболее многообещающих политических деятелей принялся зарабатывать на хлеб насущный перевозкой пассажиров по Средиземному морю, сколько бы раз его жена ни появлялась перед публикой в голлом виде. Хаббел начал терять интерес к этой истории. — А не замешана ли тут политика? — с надеждой спросил он.

— Сомневаюсь. Мсье Джордах не занимался политикой. Мы имеем обыкновение собирать сведения о людях, связанных с политикой.

— Наркотики?

— Вряд ли. И в этой области у нас есть информация. Или по крайней мере подозрения.

— В таком случае как вы лично могли бы его охарактеризовать? — не сдавался Хаббел, больше по привычке.

— Работяга. Приличный человек. — Очевидно, шеф хотел сказать «славный малый». В устах французского «фараона» эта сдержанная похвала прозвучала чуть снисходительно. — Честный, насколько известно, — продолжал шеф. — Но подружиться мы не успели. Он плохо говорил по-французски. Гораздо хуже вас, мсье. — Хаббел кивком головы поблагодарил за комплимент. — Что же касается моего английского, то он, к сожалению, оставляет желать лучшего. — Шеф смущенно улыбнулся. — Так что долгих и откровенных разговоров мы вести не могли.

— Известно, чем он занимался до приезда сюда?

— Служил в торговом флоте. — Шеф помолчал. Однажды, за стаканом вина, шеф обратил внимание на сломанный нос Джордаха и бесчисленные шрамы, и тот рассказал ему, что был боксером. Но попросил шефа об этом никому не говорить. В портовых кабаках разбушевавшиеся от алкоголя здоровяки имели обыкновение проверять свою мускулатуру именно на бывших боксерах. «Я поселился во Франции не для того, чтобы драться, — сказал тогда Джордах. — В этой стране мне не везет. Один раз меня здорово побили на ринге в Париже». И он засмеялся. А после осмотра тела шеф пришел к выводу, что и в последней драке ему тоже порядком досталось.

«Собственно говоря, — подумал шеф, — а почему бы и не рассказать об этом журналисту? Джордаху это не повредит — ему ведь больше не придется пить в портовых кабаках».

— По-видимому, Джордах занимался и профессиональным боксом, — добавил он. — Даже как-то выступал в Париже. Дошел до финала. Где его и нокаутировали.

— Был боксером? — Хаббел снова оживился.

Может, удастся дать материал на пару сотен слов в колонке спорта. Если убитый выступал в парижском финале, значит, он был боксером с именем. Публике небезынтересно узнать про убийство американского боксера во Франции. По телексу он передаст в редакцию информацию, которую сумеет собрать здесь, а сведения о прошлом Джордаха пусть раскопают в архиве. Все равно в Нью-Йорке любую статью перекраивают на свой лад. — Джордах? — переспросил Хаббел. — Что-то я не помню такого боксера.

— Он выступал на ринге под другой фамилией, — ответил шеф, беря себе на заметку, что ему тоже следует поинтересоваться этим периодом из жизни Джордаха. Профессиональный бокс — это бизнес, куда вечно лезут гангстеры. Может, там и отыщется мотив: нарушенное обещание, несостоявшаяся сделка. Как это он раньше не догадался! — На ринге он был Томми Джорданом.

— А! — отозвался журналист. — Теперь вспомнил. Ну конечно! Я даже помню, что о нем писали в газетах. Его считали многообещающим.

— Мне об этом ничего не известно, — сказал шеф. — Но, услышав про встречу в Париже, я заглянул в «Экип». По их мнению, он не оправдал надежд. — Нужно поскорее позвонить в Марсель одному менеджеру, у которого связи с milieu¹. — Извините, но мне пора вернуться к своим обязанностям, — добавил он. — Если вас еще что-то интересует, побеседуйте с членами его семьи. С женой, с братом, с сыном.

— С братом? Он здесь?

— Здесь вся семья, — ответил шеф. — Они были вместе в круизе.

— Вы, случайно, не знаете, как зовут брата?

— Рудольф. Они из немцев.

Рудольф! Хаббел вспомнил. Того, из «Лайфа», звали Рудольф Джордах.

— Но это было не его бракосочетание? — спросил он.

— Нет, — нетерпеливо ответил шеф.

— А его жена тоже здесь?

— Да. Она, как невестка погибшего, сумеет рассказать вам гораздо больше меня...

— Невестка? — вставая, переспросил Хаббел. — Значит, это она была в баре?

— Да. Советую вам поговорить с ней, — сказал шеф. — И если вы услышите что-нибудь такое, что окажется нам полезным, не считите за труд посетить нас еще раз. А сейчас, к сожалению, я...

— Где ее искать?

¹ Здесь: с этой средой (фр.). — Здесь и далее примеч. пер.

— Она живет в отеле «Дю Кап». — Шеф потребовал, чтобы Джин Джордах временно не покидала Антиба, и забрал у нее паспорт. Она может понадобиться следствию, когда найдут Дановича. Если найдут. На допросе она была в истерике и не совсем трезвой, поэтому ее рассказ получился запутанным и бессвязным. А потом этот идиот доктор заявил, что она человек неуравновешенный, хроническая алкоголичка, что, если шеф будет продолжать свои расспросы, он за нее не ручается, и сделал ей укол снотворного. — Все остальные сейчас, по-моему, на «Клотильде», которая стоит в гавани. Благодарю вас за проявленный интерес, мсье. Надеюсь, вы не напрасно потратили время. — Он протянул руку.

— Merci, bien, monsieur¹, — сказал Хаббел. Он узнал все, что мог, и направился к выходу.

А шеф сел за стол и, подняв телефонную трубку, начал набирать марсельский номер.

Залитое лучами послеполуденного солнца, шло, покачиваясь на средиземноморской волне, небольшое белое судно. Далекий берег казался сложенной из кубиков картинкой — расположившиеся у воды и на холмах бело-розовые особняки на фоне зеленых сосен, оливковых деревьев и пальм. Дуайер, приземистый, мускулистый, с добрыми темными глазами, стоял на носу яхты и плакал. На его белоснежном свитере красовалось название яхты: «Клотильда». Из-за торчащих верхних зубов его на всю жизнь прозвали Кроликом. И, несмотря на его мускулы и матросскую форму, в нем было что-то неискоренимо женственное. «Я не гомик», — сразу же после знакомства сказал он покойному, прах которого только что высыпали в море. Затуманенными от слез глазами смотрел он на берег. «Погода для богатых», — вспомнилось ему.

«Верно, — думал Дуайер. — Во всяком случае, такая погода не для нас с ним. Мы сделали ошибку. Не нужно было сюда приезжать».

А в рубке, в таких же, как у Дуайера, хлопчатобумажных штанах и белоснежном свитере, держа руку на руле из

¹ Большое спасибо, мсье (*фр.*).

полированного дуба и меди, стоял Уэсли Джордах. Он не сводил глаз с клочка земли, на котором возвышалась антибская крепость. Он был не по возрасту высокий, худой, кожа да кости, но сильный, с бронзовым от загара телом и светлыми волосами, которые от яркого солнца и соленой воды местами стали совсем белыми. Как и Дуайер, он думал о человеке, прах которого сам высыпал в море, о человеке, который был его отцом.

— Эх ты, бедняга! — с горечью вырвалось у него.

Ему вспомнился тот день, когда отец, которого он не видел много лет, приехал забрать его из военной школы на Гудзоне, где он с какой-то слепой, необъяснимой, бессмысленной яростью ввязывался в драки с половиной воспитанников независимо от их возраста и роста.

«Запомни, больше ты драться не будешь», — сказал ему тогда отец.

Уэсли молчал.

«Ты меня слышал?» — сурово спросил отец.

«Да, сэр».

«Не надо называть меня так. Я тебе не сэр, а отец».

«Себе самому нужно было запретить драться», — думал юноша, не сводя глаз с крепости, в которой, как ему рассказывали, провел ночь Наполеон, арестованный после бегства с острова Эльба.

На корме, возле поручня, стояли одетые в траур, никак не вязавшийся с ослепительным сиянием воды и солнца, Рудольф Джордах и Гретхен Берк, дядя и тетка юноши, брат и сестра убитого, городские жители, непривычные к морю, но зато свыкшиеся с трагедиями. Эти двое в черном на фоне залитого солнцем горизонта стояли поодаль друг от друга, не разговаривали и старались не встречаться взглядами. Оставшееся недосказанным не нужно было ни объяснять, ни извинять, ни оплакивать.

Женщина — лет сорока с небольшим — была высокой, изящной и стройной, ее черные волосы развевались на ветру, обрамляя матово-бледное, еще не тронутое возрастом, но уже утратившее краски молодости лицо. Красивая в юности, она была красива — только по-другому — и сейчас;